

Havne Skæde

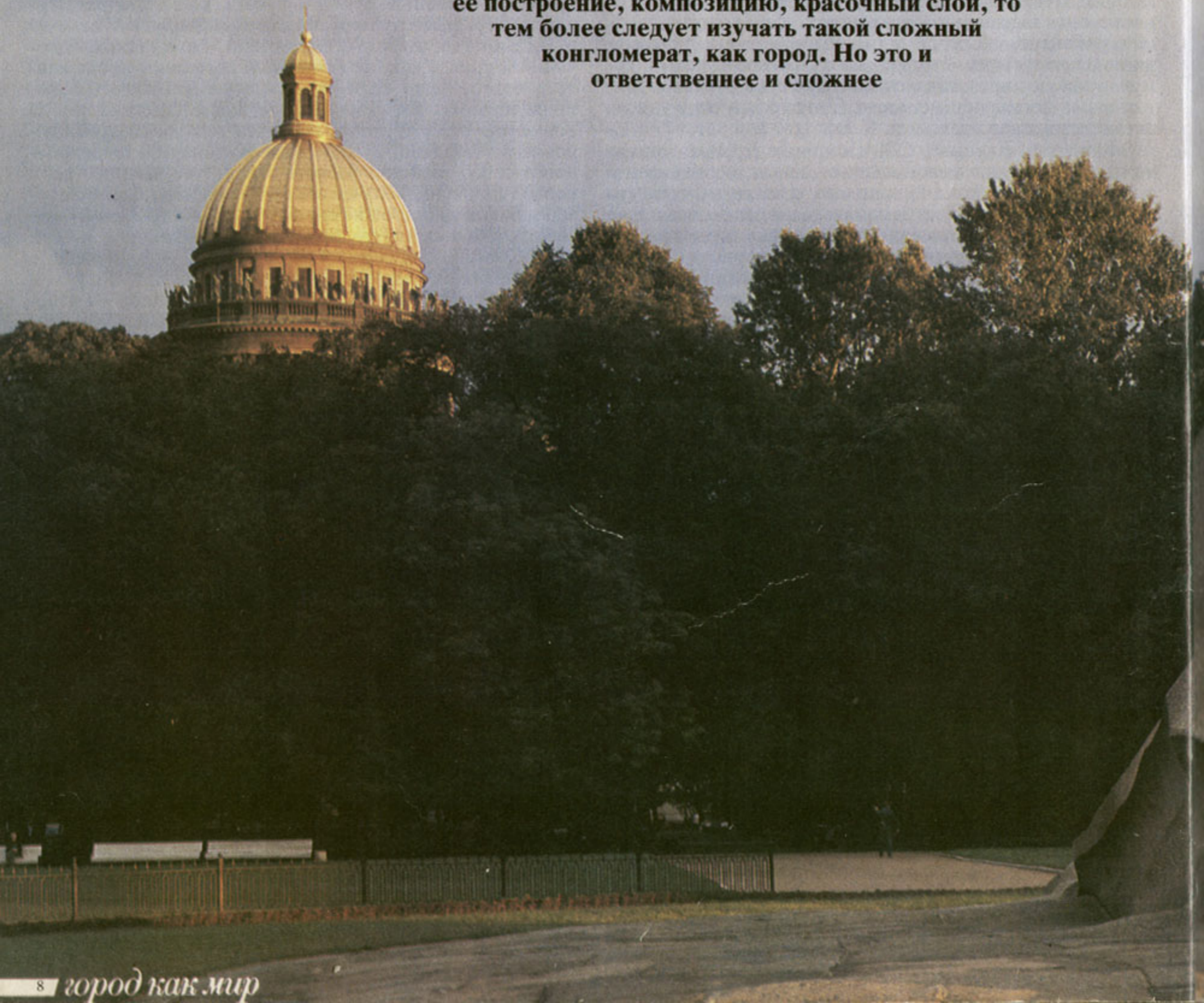
1189

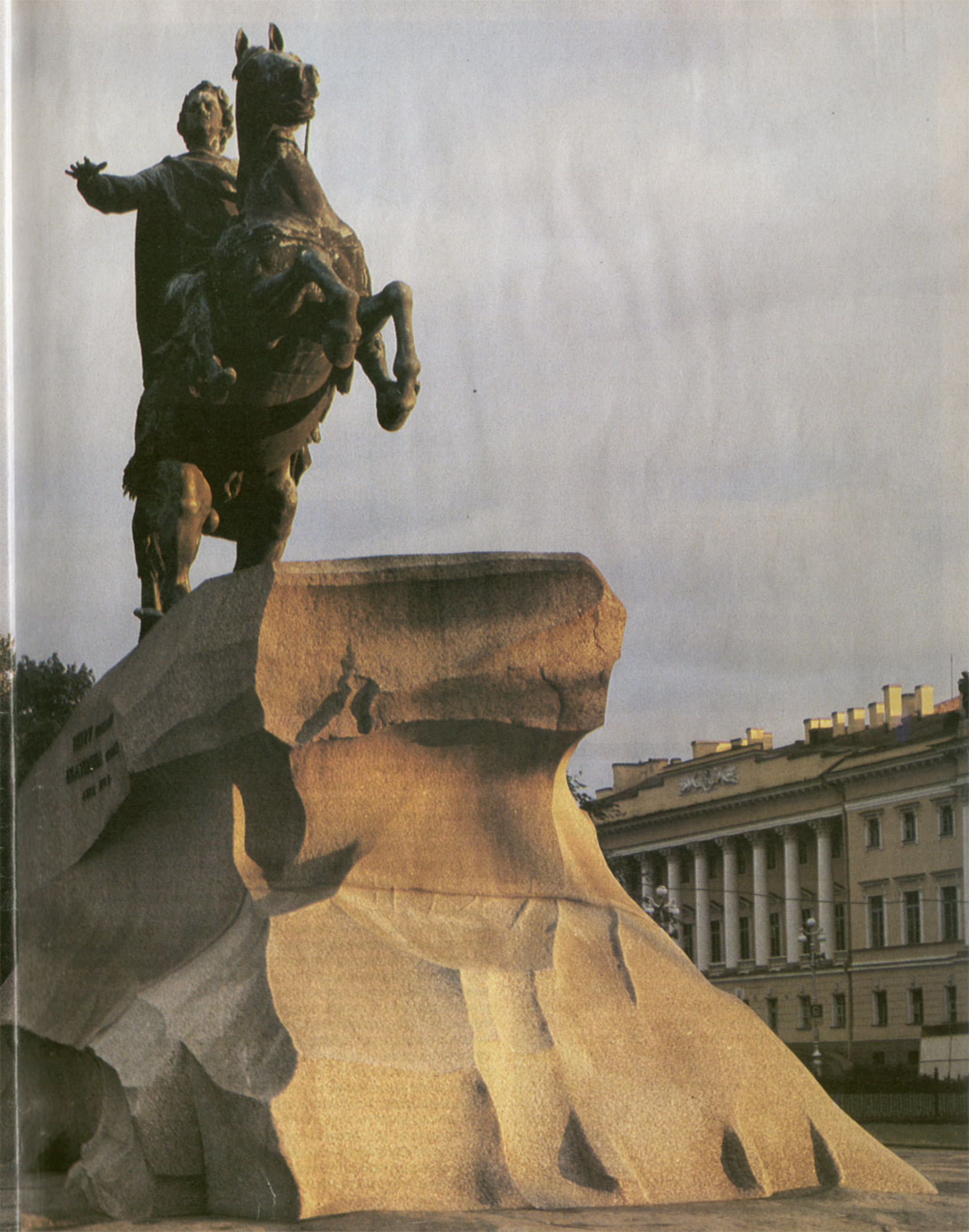

НЕБЕСНАЯ ЛИНИЯ ГОРОДА НА НЕВЕ

Д.С.ЛИХАЧЕВ, фото И.ПАЛЬМИНА, Н.РАХМАНОВА

Архитектор в городе – градостроитель. Любое архитектурное сооружение в городе так или иначе его изменяет: либо углубляет, дописывает – когда оно рождено самим городом, его духом, обликом, либо разрушает, если оно – инородное тело. Поэтому архитектор обязан знать не только его существенные внешние или исторические черты, но и образ города, чтобы правильно соотносить свое творение с тем, что создано в городе до него. Если сегодня искусствовед столь тщательно изучает картину, ее построение, композицию, красочный слой, то тем более следует изучать такой сложный конгломерат, как город. Но это и ответственнее и сложнее

Образ города предстает перед нами в двух аспектах: в аспекте синхронии – его внешний облик как наглядная данность, и в аспекте диахронии – восприятие его как истории, как становления культуры.

Важность изучения образа города в этих двух аспектах для архитектора-градостроителя особенно удобно показать на примере Ленинграда.

Самая, может быть, характерная градостроительная черта в облике Ленинграда – преобладание горизонталей над вертикалями. Горизонталю создают основу, на которой рисуются все остальные линии. Преобладание горизонталей определяется наличием многочисленных водных пространств: Большой Невы, Малой Невы, Большой Невки, Малой Невки, Фонтанки, Мойки, Канала Грибоедова, Крюкова канала и так далее. Соприкосновение воды и суши создает идеальные горизонтальные линии, особенно если суша обрамлена плотным строем набережных. Набережные создают вторую линию, может быть, несколько неровную, но столь же решительную. Ленинград подчеркнут как бы двойной линией. При этом следует учесть, что Нева почти всегда (за исключением редких осенних наводнений) стоит в своих берегах на одном уровне, при этом очень высоком. Вода в Ленинграде наполняет город как бы до самых краев. Это всегда удивляет приезжих, привыкших к городам, стоящим на реках с “нормальным” речным режимом (более высокий уровень весной в разливы и осенью, более низкий – летом). Следовательно, черта, которой “подчеркнут” город, очень заметна, занимает почти

центральное положение, проходит почти по центру общей панорамы города.

Над двумя горизонтальными линиями – энергичной и абсолютно правильной линией стыка воды и суши и второй, менее резкой, верха набережных – возвышается более слабая, размытая полоса приставленных друг к другу домов, созданных по многократно возобновлявшимся требованиям строить “не выше Зимнего”. Полоса стыка домов и неба – расплывающаяся, но тем не менее достаточно определенно выраженная в своей горизонтальности, – словно противостоит нижней линии – стыка строений и воды. В английском языке есть понятие *skyline* (небесная линия). Это не линия горизонта в нашем смысле слова. Значение *skyline* более широкое: оно включает линию соединения гор и неба (где горизонта с нашей точки зрения нет), линии домов и неба и прочее. Зубчатая, как бы дрожащая линия домов на фоне неба создает впечатление призрачности, эфемерности городской застройки. Это прекрасно передано Достоевским в “Подростке”: “Мне сто раз, среди этого тумана, задавалась странная, но навязчивая греза: “А что, как разлетится этот туман и уйдет кверху, не уйдет ли с ним вместе и весь этот гнилой, склизлый город, подымется с туманом и исчезнет как дым, и останется прежнее финское болото..?”

Ленинград не исключение в ряду городов, имеющих большую береговую линию. Первым среди этих городов должен быть назван Хельсинки. Однако в Хельсинки береговая линия чрезвычайно изрезана, волниста, и сочетается

она не с линией регулярных набережных, а с неровной скалистой поверхностью берега. Строение на берегу не входит в сколько-нибудь стройные системы, и главный собор первой половины XIX века, проектировавшийся в основном замечательным архитектором Энгелем, построен поэтому на возвышении. Он как бы выделен этим возвышением из городской застройки, вознесен над ней. Линия, разделяющая воду и берег, не играет той роли, что в Петербурге-Ленинграде. Она не заметна, скрываясь за пристанями, кораблями, то перекрываясь, то появляясь вновь.

Ближе по своему характеру к Ленинграду Копенгаген, особенно благодаря плоскому характеру почвы, но опять-таки отсутствие протяженных набережных и наличие портовых сооружений заставляет город сочетаться с водой площадями – но не линиями. Любопытно к тому же, что находящиеся в Копенгагене шпили не производят впечатления перпендикуляров, воздвигнутых к горизонталям водных пространств. Шпили недостаточно остры и ровны. Один из них вздымается, закручиваясь винтом от самого низа и до самого верха. Все шпили имеют неправильную барочную форму.

Любопытно, что и skyline обоих городов – Хельсинки и Копенгагена, вырисовывающаяся на фоне неба крышами домов и верхней частью различных других сооружений, не имеет более или менее четких очертаний.

“Низкие, топкие берега” – как будто бы единственная реальность Петербурга и у Пушкина и у Достоевского. Но и удаляясь от водных пространств, мы видим те же

Вид на город с Петроградской стороны
Б.Патерсен. Набережная Невы у Сената.1801
 Уже в раннем Петербурге художник тонко уловил характерную для skyline города узкую полосу домов между массивами воды и неба

**Вид на Васильевский остров со стороны
Дворцовой набережной**

А. Мартынов. Дворец Петра I в Летнем саду. 1809–1810

В произведении отображена skyline Петербурга
и “притопленность” местности, на которой выстроен город

Петропавловская крепость – одна из основных градостроительных
доминант города

горизонтальные линии, определяемые почти совершенно плоским рельефом почвы, на которой стоит город. Сплошная застройка улиц – чрезвычайно типичная черта Петербурга-Ленинграда. Благодаря отсутствию подъемов и спусков улицы становятся интерьером города. Именно как интерьер трактует Достоевский жизнь улиц и площадей (особенно в “Преступлении и наказании”). Сады и бульвары “встраиваются” в эту плотную застройку улиц, что служит еще одним выражением горизонтальности города. Особенно типичен в этом отношении Васильевский остров, где пропадает даже само название “улица”. Есть только три проспекта (три “перспективы”) и “линии”, линии домов.

Характерные элементы города – три шпиля: Петропавловской крепости, Адмиралтейства и Михайловского замка. Они представляют собой как бы перпендикуляры к горизонтальным линиям и тем самым не противоречат им, а как бы подчеркивают их существование. Шпилям вторят высокие колокольни – Чевакинского на Крюковом канале и церкви на Сенной площади (снесена).

Мощная громада Исаакиевского собора с золотым (а потому “неархитектурным”) куполом должна была бы создать второй центр Ленинграда, по своим градостроительным целям сходный с ролью собора святого Петра в Риме. Отметим все же, что ни шпили, ни купола, равномерно расставленные по городу, не создают еще каких-то линий – купола не плоские, сферические, а потому не могут задавать горизонтали.

Главные площади города – Дворцовая и Марсово поле – хотя и находятся у Невы, но отгорожены от нее рядом домов. Единственная обращенная к Неве площадь – “Петрова” (Сенатская) с Медным всадником – раскрыта к Неве, пропуская в широкое водное пространство Петра на жарко дышащем коне. Как бы вторя ей, на противоположном берегу Невы, но ближе к истокам, находится площадь Финляндского вокзала с Лениным на броневике. Властный жест “Медного всадника” противостоит ораторскому жесту Ленина.

Доминирующее значение горизонталей в городе сильно нарушено гостиницей “Ленинград”, выстроенной в безнациональном “коробочном стиле”. Ее горизонтали совершенно не согласуются с горизонталями Большой Невы. Легко можно было бы включить в горизонтали города постройки набережных Большой Невки, но здесь нарушен принцип сплошной, “ленточной” застройки. Существенным нарушением образа города является и гостиница “Советская” в старом районе Коломны. Здания резко разновысотные, поставленные изолированно, нарушают типичную для Ленинграда “небесную линию”, создают мрачную хаотичность.

Конечно, внешний облик Петербурга-Ленинграда был бы бедным, если бы он своей единственной чертой имел горизонтали. На самом деле очень важной и “обогащающей” чертой Ленинграда являются многочисленные и своеобразные нарушения этих горизонталей, – “богатые нарушения”, придающие своеобразие горизонталям.

Из других особенностей Ленинграда считаю главными две: красочную гамму города и гармоничное сочетание в нем больших стилей.

Окраска домов играет в Ленинграде очень важную роль. Едва ли какой-либо крупный город Европы может сравниться с Ленинградом в этом отношении. Ленинград нуждается в цвете: туманы и дожди заслоняют его больше, чем какой-либо другой город. Поэтому кирпич не оставался нештукатуренным, а штукатурка требовала окраски. Тона в городе по преимуществу акварельные.

Было бы чрезвычайно важно исследовать, как в Ленинграде сочетается барокко (в его разных формах) с рококо и екатерининским классицизмом. И как ампиризм оказался доминирующим стилем. Своеобразным и “умным” дополнением к этим стилям сделалось окружение этих стилей эклектикой, а еще дальше – модерном. В последнем стиле особенно удачным оказался поздний модерн с его возвращением к классике.

Последнее замечание обращено к будущим исследователям образа Ленинграда. Внешний облик города сочетается с удивительной стройностью его исторического образа. Историческое прошлое города, сравнительно короткое – всего три столетия, – воспринимается как своеобразное драматургическое действо, при этом завершившееся, ибо совершенно ясно, что, каково бы ни было его будущее значение в нашей стране, внутренняя драматургия города закончилась.